
Д. Домбровский

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ БРАКОВ РОМАНОВИЧЕЙ С ПЯСТАМИ)

В статье рассматриваются проблемы социальных отношений между Пястами и Романовичами. Автор сосредоточил внимание на следующих вопросах: браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон; осознание факта связей родства и свойства; браки Романовичей и Пястов в свете конфессиональных проблем; тезоименитство как проявление междинастических связей; жизнь женщин из рода Романовичей при дворах Пястов и Пястовен при дворах Романовичей; личные контакты между представителями династии.

Несомненно, из-за нехватки источников картина личных отношений Романовичей с Пястами неполная, хотя имеющийся в распоряжении автора материал указывает на их относительно высокую частоту и важность для обеих сторон. На это, несомненно, повлиял факт соседства, но и другие факторы, обсуждаемые в тексте.

Ключевые слова: Пясты, Романовичи, социальные отношения, браки, родство, свойство, конфессиональные проблемы, тезоименитство

Польско-русские отношения в социальной сфере в эпоху Средневековья представляют собой весьма обширную и довольно сложную проблему как с точки зрения хронологии, так и количества составляющих ее сюжетов. Даже если ограничиться трактовкой Средневековья, соответствующей польской традиции (заведомо более узкой, чем та, которая принята в российской практике), то и в этом случае мы получим пять столетий тесных соседских отношений, разворачивающихся во многих плоскостях и имеющих культурные, хозяйственные и широко понимаемые политические последствия.

Отдельные аспекты этих отношений вызывали у исследователей оживленный интерес и освещаются в целом ряде работ. Однако, во-первых, в наши задачи не входит составление полной библиографии по данной теме. Во-вторых, мы не стремимся в заведомо кратком тексте представить синтетический очерк всей

совокупности польско-русских отношений, пусть даже в их социальном или социально-политическом измерении. Эта тема явно выходит за рамки статьи, заслуживая отдельной обширной монографии. Таким образом, мы вынуждены были отобрать те явления, которые станут предметом анализа. Мы сочли, что именно социальный аспект отношений, установившихся между Пястами и галицко-волынской ветвью Рюриковичей, т.е. Романовичами, — к тому же парадоксальным образом до сих пор детально не изученный — представляет особый интерес, одновременно обеспечивая возможность многостороннего анализа с учетом хорошей сохранности источников. Итак, хронологически ограничимся временем чуть больше столетия (кон. XII — 1340 г.), что же касается проблем, входящих в сферу нашего интереса, то остановимся на следующем:

- браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон;
- осознание факта связей родства и свойства;
- браки Романовичей и Пястов в свете конфессиональных проблем;
- тезоименитство как проявление междинастических связей;
- жизнь женщин из рода Романовичей при дворах Пястов и Пястовен при дворах Романовичей;
- личные контакты между представителями династии.

Браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон

Исключительность роли родов, правивших в эпоху Средневековья (впрочем, не только в то время), не подлежит сомнению. Это проявляется, с одной стороны, в их исключительном могуществе, а с другой — в ярких свидетельствах, оставленных в источниках. Итак, начнем наши рассуждения с перечня браков, заключенных между Пястами и Романовичами, которые, несомненно, влияли на отношения между этими династиями.

Как хорошо известно, основателем династии, которая со временем подчинила себе всю Галицко-Волыньскую Русь, был Роман Мстиславич¹, рожденный самое раннее под конец 1155–1156 г. в

---

¹ Фигура Романа Мстиславича вызывала заслуженный интерес исследователей, существует несколько его биографий, впрочем, разных по качеству (см. в частности: Кралюк 1999; Головки 2001; Горовенко, 2011; Майоров, 2011). В них можно найти широкий круг сведений об этом князе.

браке князя владимирского (западноволинского) и (на определенное время) киевского Мстислава Изяславича (ум. 19.08.1170 г.) с Агнешкой, дочерью правителя Польши Болеслава Кривоустого (Jasiński 1992. S. 261–264; Dąbrowski 2002b. S. 23–44; Добмровский 2015. С. 259–273)². В течение последующих четырех поколений рода Пясты были для Романовичей важными, а в определенный период едва ли не самыми важными матримониальными партнерами. В общей сложности между представителями обоих родов было заключено 5 браков³. В частности, в третьем поколении потомков Романа Мстиславича три из четырех, а в четвертом, последнем, один из двух. Четыре из пяти — это были браки Романовичей с представительницами/представителями малопольско-куявско-мазовецкой линии польской исконной династии, а один из них с силезским Пястом.

Первым стал заключенный в 1246/1247 гг. брак Василько Романовича с Добравой (Дубравкой), дочерью Конрада I. Пястовна была второй женой князя владимирского. В их браке родилось двое детей, Ольга и Владимир Иван. Неизвестно, до какого времени продолжался этот брак. «Галицко-Волинская хроника» непосредственно после информации о появлении кометы, что подлежит точной датировке периодом после июля — октября 1264 г. фиксирует: «Того ж[е] лѣта | престависа великаа княгини Васил[ь]коваа именем[ъ] Олена» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 453; Dąbrowski 2002b S. 98; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863)⁴. Была ли умершая княгиня идентична Добраве, однозначно ответить невозможно, хотя такой возможности окончательно исключить нельзя.

Вторым с точки зрения хронологии был брак Елены Львовны с князем бытомским Казимиром II Владиславичем, заключенный лишь ок. 1274/1278 гг. В нем появились на свет 6 зафиксированных

---

² В названных работах см. ссылки на источники и обзор литературы по данной теме.

³ В общей сложности Романовичи заключили 24 союза, включая оба брака Романа Мстиславича и обручение его дочери Федоры, не считая, однако, брака Марии, дочери Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг, поскольку он никак не был связан с матримониальной политикой Романовичей. Кроме того, сюда не включен мазовецкий брак Переяславы, которую, впрочем, мы считаем не дочерью Данила Романовича, а представительницей другой ветви Рюриковичей (см. ниже). Отметим также, что кроме пяти пястовских, Романовичи заключили 11 браков с представителями других ветвей Рюриковичей, 2 брака «немецких», 2 литовских, а также по одному венгерскому, половецкому и византийскому. Происхождение жены Мстислава (II) Даниловича не установлено.

⁴ О датировке см.: Dąbrowski 2002b. S. 98.

в источниках детей: Болеслав, Владислав, Семовит, Юрий, Мешко и Мария. Как и в предыдущем случае, точно неизвестно, когда брак прекратил свое существование. Казимир умер в 1312 г., дата смерти его супруги приходится на период между 1304 и 1323 г. (Jasiński 2007. S. 517–519, 526–535; Dąbrowski 2002b S. 217–226).

Третьим стал брак Юрия Львовича с Евфимией, дочерью Казимира I Конрадовича. Он был заключен в 1289/1290 гг. и продолжался до фактически одновременной смерти супругов в 1308 г. В нем появились на свет четверо известных источникам детей: Мария (позже жена Тройдена I черского), Андрей, Лев и Анастасия (Balzer 2005. S. 606–613; Jasiński 1996. S. 18–19; Tęgowski 2000. S. 29–30; Dąbrowski 2002b. S. 197–217).

В 1299/1399 г. был заключен четвертый из интересующих нас браков. Именно тогда за князя добжинского Семовита I Казимировича была выдана Анастасия, бывшая, по нашему мнению, дочерью Мстислава (II) Даниловича. Пара дала жизнь, видимо, трем детям, известным источникам: Лешеку (недостовечно), Владиславу Горбатому и Болеславу. Брак продолжался приблизительно до 1312 г., когда умер Семовит. Вдовствующая княгиня прожила до 1335 г. (Dąbrowski 2002b S. 232–234)⁵.

Последним, пятым был брак Марии Юрьевны с Тройденом I Болеславичем, кн. черским. Он был заключен, вероятнее всего, в 1309 г. Датой *ad quem* является 1311 г.⁶ В нем родились четверо отмеченных в источниках детей: Евфимия, Болеслав (позже князь галицко-волинский Болеслав Юрий), Семовит III и Казимир I. Супруги умерли с небольшим разрывом друг от друга в 1341 г. (Jasiński 1998. S. 30–36; 56–71).

Нельзя не упомянуть о следующих двух династических польско-русских браках, которые, очевидно, стали выражением матримонимальной политики Даниила Романовича (Dąbrowski 2002a). S. 144). Речь идет о браке Анастасии Александровны белзской с Болеславом I Конрадовичем (заключен между поздней весной 1244 г. и 17 или 18 августа 1245 г., очень быстро прерванный по

---

⁵ Подчеркнем, что ранее в литературе Анастасию признавали дочерью Льва Даниловича (см., напр.: Balzer 2005. S. 602–604; Baumgarten 1909. С. 33–34; Baumgarten 1927. Num. 35. Tabl. XI; Jasiński 2001. S. 130–132, 259). У этой точки зрения есть свои последователи, как например, Л. Войтович (Войтович 2006. С. 506–507). О потомстве Семовита Казимировича и Анастасии см.: Jasiński 2001. S. 172–182, 259.

⁶ Недавно свои соображения относительно даты заключения этого брака представил Я. Грабовский (Grabowski 2016. S. 56, 278). В названной работе см. литературу по теме.

причине смерти Пяста, которая датируется согласно новейшим подсчетам 05.12.1248 г. (Grabowski 2016. S. 433–434); бездетный (Домбровский 2015. С. 412–422), а также Переяславы, которую мы считаем представительницей другой (не галицко-волинской) ветви Рюриковичей, с Семовитом I Конрадовичем. Он был заключен в 1247 или 1248 г. и просуществовал до 1262 г., то есть до момента трагической смерти князя мазовецкого⁷.

Картина непростых отношений интересующих нас родов в матримонимальной плоскости будет неполной без упоминания о существовании «общих» союзов, т.е. браков будь то Романовичей или Пястов с представителями одного и того же рода. Мы имеем в виду факт женитьбы Болеслава Стыдливого, Болеслава Благочестивого, а также Льва Даниловича на дочерях короля Венгрии Белы IV, соответственно на Кинге, Иоланте Елене и Констанции (Wertner 1892. S. 475–481, 485–491; Jasiński 1995. S. 42–43; Jasiński 2001 S. 46–49). К этой же категории можно отнести браки представителей обеих династий с близкими родственниками одной из них. Так, например, за Михаила, сына Всеволода Святославича Черного и дочери Казимира Справедливого (ее имя неизвестно) была выдана дочь Романа Мстиславича (Dąbrowski 2016. S. 73–82). Именно в этом браке появился на свет Ростислав, Романович через мать по материнской линии, а с другой стороны — по бабке со стороны отца Пяст. Более того, в свою очередь, он женился на одной из дочерей короля Венгрии Белы IV и таким образом стал свояком не только для Льва Даниловича, но и для двух названных выше Болеславов (Wertner 1892. S. 463–475).

Картину дополняют браки Пястов с представительницами иных, чем Романовичи, ветвей Рюриковичей. В интересующее нас время обнаруживаются следующие союзы: 1) Брак Конрада I Мазовецкого с Агафьей, дочерью Святослава Игоревича (Jasiński 2001. S. 33–38). Здесь следует добавить, что отец жены Конрада (Игорь) был повешен в ходе борьбы за галицкий престол во время похода, который был предпринят с целью посажения на нем Даниила Романовича (Kronika halicko-wołyńska. S. 30–41; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724–727); 2) Вероятно, обручение или — что менее правдоподобно — краткий брак Лешека Белого с N, дочерью Ингваря

---

⁷ Домбровский 2015. С. 681–695. В биограмме княгини изложена дискуссия относительно ее происхождения с указанием источников и литературы.

Ярославича (Dąbrowski 2006)⁸, близкого родича Романовичей⁹; 3) Брак Лешека Белого с Гремиславой Ярославной (Dąbrowski 2006). Эта древнерусская княгиня была — если исходить из нашей аргументации относительно ее филиации — теткой Даниила и Василько Романовичей через Мстислава Федора Владимировича (в 4-й степени, пересекающейся с 3-й, т.е. в 7-й)¹⁰. Важно, что ее брак стал возможен, вероятнее всего, благодаря посредничеству смоленских Ростиславичей, а именно Мстислава Мстиславича Удалого, на дочери которого в 1217 г. женился Даниил Романович (Dąbrowski 2016. S. 112–115). Более того, Гремислава (ум. в 1258 г.) после смерти мужа в 1227 г. долгие годы играла важную роль в политической жизни Малопольши, осуществляя опеку над малолетним Болеславом Стыдливым (Zabłocki 2012. S. 87–160; Tetrycz-Puzio 2016. S. 65–95).

К этой категории условно можно отнести также заключенный в 1265 г. брак Лешека Белого с Грифиной (Агриппиной), дочерью Ростислава Михайловича (Rocznik Traski 1872. S. 839; Jasiński 2001. S. 10; Tęgowski 2000. S. 28). Отец княжны, хоть и был Рюриковичем, однако с 1245 г. находился в Венгерском Королевстве, будучи — как известно — женатым на Анне, дочери Белы IV. Брак Агриппины можно в этой связи рассматривать как элемент

---

⁸ Ранее в литературе утверждалось, что известен лишь один брак Лешека Белого, как раз с дочерью Ингваря, которая якобы носила имя Гремислава. Мы попытались опровергнуть это мнение в приводимой статье. Там же см. ссылки на источники и литературу. После ее публикации появились работы, в которых наши выводы подверглись сомнению. Однако временами критика носила скорее курьезный характер. Это наблюдение относится, прежде всего, к аргументации биографа Гремиславы, В. Заблоцкого, который оспорил наше мнение, сославшись на то, что он согласен с аргументацией Бальцера, добавив без всяких на то оснований, что мы опираемся исключительно на политические предпосылки. Автор полностью пренебрег представленным нами анализом источников, продемонстрировав при этом фактическое незнание древнерусских свидетельств (Zabłocki 2012. S. 53–57). Добавим, что такое положение вещей (незнание древнерусских источников и в целом катастрофически низкий уровень владения кириллицей относится к постоянно прогрессирующим болезням современной польской историографии).

⁹ Ингварь Ярославич был для Даниила и Василько Романовичей родичем в 3 степени, пересекающейся со 2 (т.е. в 5), поскольку у них был общий предок в лице Изяслава Мстиславича. Для Ингваря это был дед по отцовской линии, а для Романовичей — прадед (также по отцу).

¹⁰ Как дочь Ярослава Владимировича (Мономахича) она была бы правнучкой Мстислава Федора Владимировича (Мономахича), в то же время родственные связи Даниила и Василько с этим Рюриковичем выглядят следующим образом: Даниил и Василько → Роман → Мстислав → Изяслав → Мстислав Федор Владимирович.

матримониальной политики венгерского монарха в отношениях с Пястами. Тем не менее об этом стоит здесь упомянуть, поскольку этот брак сыграл свою роль в отношениях Романовичей с польской исконной династией. Он может служить иллюстрацией сложного характера матримониальных союзов между Пястами и Рюриковичами, а также другими династиями. В частности, отметим, что муж Агриппины, Лешек Черный был с точки зрения родства через Казимира Справедливого дядей собственной жены (родство в 4-й степени, пересекающееся с 3-й, т.е. в 7-й), одновременно через Болеслава Кривоустого родственником Льва Даниловича (в 4-й степени, т.е. 8-й), который, в свою очередь, был дядей Агриппины через Романа Мстиславича (3-я степень, пересекающаяся со 2-й, т.е. 5-й) и одновременно ее близким свояком (княгиня была племянницей его жены). Более того, в результате женитьбы в 1261 г. короля Чехии Пржемысла II Отокара (ум. в 1278 г.) на сестре Агриппины, Лешек Черный становился свояком этого Пржемысловича, а Лев Данилович — мужем тетки его жены. Кроме того, князь Лев, благодаря браку Ростиславны, был дядей (4-я степень, пересекающаяся со 2-й, т.е. 6-й) следующего короля Чехии, Вацлава II (правил в Чехии формально с 1278 г., фактически с 1285 г., король с 1297 г.)¹¹.

Все перечисленные браки, несомненно, влияли, хоть и в различной степени, не только на общую картину династических контактов между Романовичами и Пястами, но также — что увидим ниже — на их политические отношения.

Однако вернемся после этого необходимого отступления к бракам представителей и представительниц династий Романовичей с Пястами и Пястовнами. Как следует из приведенного выше перечня, не существовало диспропорций относительно пола в заключенных браках. Две Пястовны были выданы за Романовичей, три Романовны вышли замуж за Пястов.

Важно также отметить, что во всех названных браках родились потомки, что, собственно, лежит в основе самой идеи бракосочетания, хотя часто ее реализация зависит от биологии и случая. Этот факт является важным результатом существования браков, оказывающим существенное влияние на междинастические отношения.

---

¹¹ О Вацлаве II см., напр: Charvátová 2007. Там же см. объемный обзор предшествующей литературы по этой теме.

Осознание факта наличия связей родства и свойства

Разумеется, существовало четкое осознание вытекающих из заключения браков родственных связей, что находит свое выражение в различных свидетельствах источников¹². Так, магистр Винцентий Кадлубек отмечал, что Роман Мстиславич состоял в родстве второй степени с Лешеком Белым¹³. «Киевская летопись» называет Мешко III «дядей» русского князя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662), а в «Галицко-волинской хронике» вдова Романа названа «ятровью» Лешека Белого (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 14; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719). Названный источник приводит, впрочем, целый ряд сведений о родственных связях отдельных Романовичей с Пястами. Так, Болеслав Стыдливый определяется сначала как «свояк» Василько Романовича, а затем как «дядя» Владимира Васильковича (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 458–459, 497; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 865). Несколько раз «Хроника» указывает на родственные связи Владимира Васильковича с Конрадом II Семовитовичем, используя термин «брат» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 496, 505–507, 514–515, 567, 571; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 879–880, 883–884, 886). В двух буллах Иннокентия IV, содержащих разрешение на брак в ситуации слишком близкого родства или свойства молодоженов, обнаруживаем свидетельство того, что Василько Романович и его мазовецкая жена Добрава (Дубравка) Конрадовна (именно о них идет речь) состояли: «in tertio gradu consanguinitatis» (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia № 28–29). В свою очередь, Бела IV в документе, подписанном 07.06.1253 г. не совсем определенно называл Льва Даниловича своим дорогим родственником¹⁴. В то же время Анастасия Мстиславна, вдова Земовита добжинского в письме рижского городского совета к совету Любека в 1324 г. выступает как „matertera” (тетка) кн. плочкого Ванько, сына Болеслава II Семовитовича (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. № 3072). Наконец, нельзя не упомянуть, что происходящий из рода Пястов Болеслав

¹² Разумеется, существовало осознание факта и других родственных связей. Так, «Галицко-Волинская хроника», например, подчеркивала принадлежность Романовичей и Мстислава Ярославича Немого к «племени Мономахову» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 99–100. Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744).

¹³ “nec nostro principi [речь идет о Лешеке Белом] nec nobis esse Romanum extraneum. Nam quo pacto dici extraneus potest, qui secundo gradu consanguinitatis <iunctus> reperitur?” (Magistri Vincentii dicti Kadlubek Chronica Polonorum 1994. S. 184).

¹⁴ „[...] Leonis, ducis Rusie, dilecti cognati nostri [...]” (Codex diplomaticus et pistolarius Slovaciae. Vol. II. № 428).

Юрий Тройденович в трех документах (1325, 1334 и 1335 г.) последовательно и имея все на то основания определял своих русских родственников со стороны матери соответственно: „*nostri progenitores felicitis recordationis rex Daniel seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus karissimus*”, „*nostri praedecessores carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas*”, „*per nostros felicitis recordacionis praedecessores, reges et principes, videlicet Romanum, Danielelem, Leonem, Georgium et Andream*” (Купчинский 2004. С. 167–170, 174–180, 180–186).

Разумеется, здесь мы не сможем представить полный перечень упоминаний такого рода, особенно относящихся к другим (не кровным) типам родственных отношений. Приходится опустить, в частности, необычайно любопытные (с учетом их политического значения в начале XIV в.) связи Пястов и Романовичей с тюрингским родом Шварцбургов, возникшие благодаря браку Генриха V фон Шварцбург-Бланкенбург и дочери Даниила Романовича, носившей, вероятно, имя София (Dąbrowski 2002b. S. 155 — 166; Домбровский 2015. С. 388–394).

Примечательно, но в целом вполне естественно, что источники не всегда отмечали все случаи родственных связей, возникающих между Романовичами и Пястами. Это замечание относится прежде всего к отсутствию в «Галицко-Волынской хронике» каких-либо указаний на родство Даниила и Василько Романовичей, а также сыновей первого из названных князей с часто выступающими на листах этого источника при различных обстоятельствах Лешеком Белым, Конрадом I Мазовецким, Болеславом Стыдливым, Болеславом и Семовитом Конрадовичами, а также на родство Лешека Черного, Владислава Локетка и Земомысла Казимировичей со Львом и Мстиславом (II) Даниловичами, а также с Владимиром Васильковичем. Не отмечены также отношения, установившиеся между Львом и Мстиславом (II) и Конрадом II и Болеславом II Семовитовичами.

Как можно объяснить эту своеобразную непоследовательность? Разумеется, невозможно остановиться на простой констатации того, что «Галицко-Волынская хроника» не была каталогом, в котором обязательно фиксировалась информация о степени кровного родства и свойства, устанавливаемого между Романовичами и представителями других династий.

Естественно, жанровая принадлежность источника в значительной мере определяет набор сведений, достойных увековечения, и

потому в нем зафиксированных. Однако это сложно считать исчерпывающим объяснением, как и предрасположенность автора/авторов или ожидания покровителей/круга, в котором возник памятник письменности. Как кажется, ответ следует искать в прагматическом подходе хронистов к повествованию. Речь идет о его построении таким образом, чтобы осветить важные аспекты конкретных событий и наилучшим образом, с точки зрения адресатов, пояснить данные факты. Стоит посмотреть, как этот механизм мог функционировать на практике. Как представляется, отсутствие сведений о родстве, установившемся между Даниилом и Василько Романовичами и перечисленными выше Пястами, явилось следствием, во-первых, факта прекрасного его осознания инициаторами создания «Галицко-Волынской хроники», а во-вторых, свидетельством существования некоторых нюансов и сложностей в свояческих отношениях.

Именно таким образом можно пояснить значимое отсутствие указания на родство между Даниилом, Василько и Конрадом I в весьма хвалебном некрологе правителя Мазовии. Ведь как известно, умерший Пяст был одновременно дядей братьев Романовичей (по отношению к Болеславу Кривоустому), тестем младшего из них и еще вдобавок дядей их свояка, Ростислава Михайловича (через Казимира Справедливого). Однако сам по себе столь сложный перечень вряд ли мог бы уместиться в рамках формулы некролога, о чем следует помнить.

В свою очередь, все перечисленные случаи упоминания о родстве можно объяснить «нарративно-логическими» требованиями. Так, то, что Лешек Белый называет «ятровью» вдову Романа, должно было усилить эффект от высказанного правителем Польши сожаления по поводу конфликта с галицко-волыньским князем, а также прояснить, почему Романовичам оказали достойный прием при краковском дворе, несмотря на формально незавершенный конфликт.

Наделение Болеслава Стыдливого термином «сваяка» для Василько Романовича, вероятно, было связано с желанием подчеркнуть вероломство, проявленное краковским князем по отношению к русскому свояку и родственнику, в тот момент, когда Болеслав, предлагая ему сесть за стол мирных переговоров, одновременно опустошил земли Василько. В этом конкретном случае стоит также обратить внимание на следующие любопытные моменты. Во-первых, речь идет об употреблении самого термина «сваяк»

(Словарь древнерусского языка Т. Х. С. 650–651), в то время как здесь можно было бы ожидать «брата», учитывая тот факт, что оба представителя династии состояли в третьей (шестой) степени родства через Болеслава Кривоустого. Проблема находит свое разрешение только если вспомнить о том, что Василько был женат на двоюродной сестре (со стороны брата отца) Болеслава Стыдливого. Правда, княгини уже не было в живых в июне 1266 г., когда разворачивались описываемые события¹⁵, однако память о ней была еще свежа. Продолжая этот логический ряд, можно также выдвинуть два предположения генеалогического характера. Среди прочего, мы получаем свидетельство, подтверждающее факт тождественности Добравы (Дубравки) Конрадовны и «великой княгини Васильковой Елены», умершей, как известно, после июля-августа 1264 г. Во-вторых, мы имеем дело с важным аргументом, позволяющим решительно опровергнуть кочующее из книги в книгу мнение о том, что Василько был женат на дочери Лешека Белого, а точнее, что ней была та самая «великая княгиня Елена» (Baumgarten 1927. Tabl. XI). В этом случае Болеслав Стыдливый несомненно назвал бы младшего Романовича не «свояком», а «шурином».

Что касается других указаний на родственные связи между Романовичами и Пястами в «Галицко-Волынской хронике», то Болеслав Стыдливый назван дядей Владимира Васильковича (а Конрад II Семовитович одновременно именуется «племянником» правителя Малопольши) в эпизоде, связанном с нападением в государстве Конрада на людей его русского родственника, везущих зерно ятвягам. Это Болеслав проинформировал тогда Владимира (как можно догадаться в заботе об интересах русского родственника) о вине своего мазовецкого племянника, с которым он был в то время враждебен.

В свою очередь, совершенно обоснованное с точки зрения свойства именованное Владимира Васильковича и Конрада II Семовитовича братьями¹⁶ опиралось, предположительно, на следующие аргументы. Во-первых, князья были тесно связаны друг с другом и нужно было подчеркнуть этот факт, при этом — что

---

¹⁵ Это произошло непосредственно перед битвой в Воротах, которая разыгралась 19.06.1266. г. (Żmudzki 2000. S.196).

¹⁶ Напомним, что князей действительно связывало довольно близкое кровное родство через Конрада I. Оба был его внуками, Владимир по матери, Конрад по отцу. При этом они состояли также в родстве более далекой степени через Болеслава Кривоустого (в 4-й степени, т.е. 8-й).

важнее, как можно предположить, соответствующий фрагмент «Галицко-Волынской хроники» был окончательно отредактирован уже в окружении наследника Владимира — Мстислава (II) и использованные определения прекрасно объясняли тот факт, что опеку над мазовецким Пястом взял на себя наследник Васильковича.

При этом следует обратить внимание на отсутствие в этой редакции указаний на родство, установившееся между Мстиславом (II) и Конрадом II, которое было более далеким (в 4-й, т.е. 8-й степени), и к тому же — как представляется — не было необходимости в его акцентировании. Совершенно достаточной оказалась информация о том, что оба Романовича были двоюродными братьями (их отцы были братьями).

Используя принцип аналогии, следует также отметить, что единственный случай именованная в «Хронике» Даниила и Василько дядьями Ростислава Михайловича призван был подчеркнуть неправомочность действий молодого князя, нанесших вред братьям его матери (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 247–248; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791). В свою очередь, использование для описания отношений между Романом Даниловичем и тогдашним маркграфом моравским и королевичем чешским Пржемыслом Отокаром оборота „оужика ми еси и своакъ” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 378; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 836) носило, с одной стороны, характер объяснения, а с другой — подчеркивало лояльность посаженного на австрийском троне Романовича по отношению к королю Венгрии Беле IV, несмотря на то, что его соперник в борьбе за наследство Бабенбергов, правитель Чехии, оказался кровным родственником и свояком русского князя, а не чужаком¹⁷. Собственно, подобным образом можно интерпретировать и употребление аналогичных определений со стороны Беле IV применительно к Даниилу (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 334; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821.).

Как видно, кроме принципа прагматического подхода к использованию в «Галицко-Волынской хронике» терминов родства, следует также отметить, что авторы источника, как правило, указыва-

---

¹⁷ Как уже отмечалось выше, Роман Данилович мог быть назван свояком Пржемысла Отокара, поскольку был женат на Гертруде Бабенберг, племяннице (дочери брата) жены Пржемысла, Маргариты. В то же время родство этих правителей было двойным в пятой степени, согласно каноническому порядку, т.е. в десятой римской степени через — с одной стороны — Генриха, графа бергского, а с другой — Мстислава Федора Владимировича (Dąbrowski 2012. S. 299, 311–312).

ли наиболее близкие отношения, связывавшие героев конкретных событий.

Браки между Романовичами и Пястами и проблема вероисповедания

Анализируя взаимоотношения Романовичей с Пястами, мы совершенно не наблюдаем отголосков каких бы то ни было религиозных антагонизмов. Можно ли усматривать причины такого положения вещей в близкородственных связях (вытекающих уже из самого наличия матерей, отцов, жен, мужей и других близких родственников и свойственников другого вероисповедания), в повседневности пребывания среди иноверцев, или же просто в прагматическом подходе к соседству? Несомненно, это были те столпы, на которых можно было строить взаимоотношения на зыбкой и неоднородной религиозной почве. Однако нельзя забывать и об индивидуальном подходе отдельных представителей Пястов или Романовичей к вере, основанном на их личном опыте. К примеру, Роман Мстиславич, мать которого имела католическое происхождение, воспитывался, согласно Магистру Винцентию, при дворе Казимира Справедливого (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179). В качестве еще одного примера можно привести родившегося в полностью православном браке Даниила Романовича, который большую часть своих детских лет провел при католическом, очень религиозном дворе короля Венгрии Андраша II (*Dąbrowski* 2016. S. 235–251) это не могло не оставить свой след. В свою очередь, уважительное высказывание о дочери члена этой династии Елизавете, подчеркивавшее именно ее набожность и появившееся в той части «Галицко-Волынской хроники», которая была связана с окружением старшего Романовича, а также ее возведение католической церковью в лик святых, нельзя, на наш взгляд, считать случайным¹⁸.

Наблюдаемая картина взаимоотношений между Романовичами и Пястами в сфере вероисповедания достаточно однобока, поскольку мы не располагаем польским эквивалентом «Галицко-Волынской хроники», которая порой так точно освещает отношения

¹⁸ «... и да дъщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика, бѣ бо мжж[ъ] силенъ и помощник[ъ] брату. еа, юже н[ы]нѣ с[вѣ]т[у] нарѣчют[ъ], именем[ъ] Альжбѣт, пред[ъ]не бо има ей Кинека. Мнго бо послужи Б[ого]ви по мжжи своем[ъ], и с[вѣ]т[у] нарѣчют[ъ]». (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 28–29; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723).

между отдельными представителями обеих династий. Так или иначе уже на основании этого древнерусского летописного памятника и других свидетельств можно составить мнение на интересующую нас тему.

В первую очередь, стоит отметить тот факт, что католическое вероисповедание не порицалось ни у одного из так часто упоминаемых Пястов. Ярким примером проявления такой позиции может послужить некролог о Болеславе Стыдливом, зафиксированный при дворе Владимира Васильковича, гораздо менее тесно связанного с Западом, чем Даниил Романович. Летописец записал его так: «В этом году умер великий князь краковский Болеслав добрый и спокойный, кроткий и покорный, братьев любящий, не вспыльчивый. Прожил он долгие лета и в доброй старости отошел к Богу. Подготовив его тело к погребению, похоронили его в костеле святого Франциска в городе, в Кракове» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 498–499; ПСРЛ Т. 2. Стб. 880). Более чем благосклонного некролога удостоился и неоднократно воевавший с Романовичами Конрад Мазовецкий. В сообщении отмечается скорбь русских князей в связи с кончиной Пяста (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 299; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809–810). Мы узнаем также, что Владимир Василькович заплакал, узнав о смерти Лешка Черного (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 574; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 909). На наш взгляд, здесь налицо не только свойственная тому времени условность повествования об умерших, но и прежде всего — проявление той сплоченности, разрушить которую явно не могли конфессиональные различия.

Весьма своеобразным примером роли вероисповедания во взаимоотношениях является факт коронации Даниила Романовича. Разумеется, значение этого политического акта было огромным, однако обратим внимание, в первую очередь, на то, что на состоявшемся в Дрогичине крупном съезде Пястов и Романовичей присутствовало также окружение обеих династий, а значит представители как православного, так и католического духовенства. Мало того, и мать Даниила, и Болеслав Стыдливый, и Семовит I Конрадович дружно убеждали князя принять королевскую корону — несмотря на то, что им было известно о согласии папы римского на сохранение на Руси прежних обрядов, что подтверждается сообщениями «Галицко-Волынской хроники» („Никентїи бѣ кльнаше тѣх[ь], хоулащим[ь] вѣроу греч[ь]скоую правовѣр[ь]ноюу”). Более того, об «экуменическом» характере самого акта свидетельству-

ют следующие слова: „Он[ъ] же вѣнецъ ѡт[ъ] Б[ог]а пріа, ѡт[ъ] ц[ъ]ркве с[ва]тых[ъ] ап[о]с[то]ль, и ѡт[ъ] стола с[ва]того Петра и ѡт[ъ]ца своег[о] папы Никентіа, и ѡт[ъ] всѣх[ъ] еп[и]ск[о]повъ своих[ъ]” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 350–351; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827). Здесь, на наш взгляд, хорошо просматривается обоюдное уважительное отношение представителей обоих правящих родов к иной конфессии.

Крайне любопытно с перспективы обсуждаемой проблемы выглядит вопрос подхода к вероисповеданию в браках, заключаемых между Романовичами и Пястами. В первую очередь, следует отметить, что источники не упоминают об обязанности для входящих в династию женщин обращения в веру мужей (само собой разумеется, что обратное даже не принималось во внимание). С другой стороны, мы сталкиваемся со скудностью информации о религиозной жизни католичек при православных дворах и православных в католическом окружении, а также с опосредованностью информации в тех случаях, когда мы ею располагаем. К сожалению, нет и никаких приведенных *expressis verbis* сведений о том, по каким обрядам совершались венчания в смешанных браках. В принципе, мы можем здесь сослаться только на русско-венгерскую аналогию — брак Льва Даниловича с Констанцией, дочерью Белы IV. Донесение «Галицко-Волынской хроники» позволяет предполагать, что в венчании, состоявшемся в Зволене (на территории нынешней Словакии), кроме отцов молодоженов, принимали участие, вероятно, как католические, так и православные священники (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 334; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809)¹⁹.

В свою очередь (что весьма любопытно), в случае с венчанием Василька Романовича с Дубравкой Конрадовной, мы имеем дело с однозначным свидетельством обращения новобрачных (или, как можно предполагать, с обращением от их имени²⁰) к папе Иннокентию IV с просьбой о предоставлении диспенсы в связи с наличием между брачующимися слишком близкой, запрещенной третьей степени родства (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia. Т. I. № 28–29). Этот брак был заключен при довольно необычных обстоятельствах, а точнее — в тот момент,

---

¹⁹ Из этого сообщения мы узнаем, что в Зволен, к королю отправился Даниил с сыном и кандидатом на митрополичий престол Кириллом.

²⁰ Предполагаем, что в данном случае инициатива все же принадлежала мазовецкому двору.

когда Романовичам угрожала опасность вторжения монголов и они шли на сближение с Западом на явно антиордынской основе, тогда как Иннокентий IV согласился на благоприятные для православных условия соглашения, стремясь расширить сферу влияния Святого Престола (Dąbrowski 2012. S. 278–280). При этом необходимо подчеркнуть, что этот папа открыто демонстрировал свое согласие на сохранение русской стороной своего вероисповедания (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia T. I. № 16, 21, 22). Господствовавшее в то время отношение к межконфессиональным связям уже хотя бы только Романовичей прекрасно отображает фрагмент «Галицко-Воłyнской хроники», посвященный тогдашним попыткам венгерского короля Бела IV выдать свою дочь замуж за Льва Даниловича. В ходе переговоров **Василько** посоветовал своему старшему брату принять предложение Арпада следующими словами: „Иди кь нему, яко хр[и]с[т]іань есмь” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 298). Перед лицом надвигающейся монгольской опасности решающую роль сыграли общехристианские корни, хотя в письме к папе римскому Бела IV не упустил случая назвать двух русских зятьев «схизматиками» (речь шла как о Льве, так и о Ростиславе Михайловиче) (Vetera monumenta historica Hungarum sacram illustrantia 1859 № CDXL с датой 1254 г.; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Vol. II. № 350. (с датой 1250 г.).

Здесь мы прибегли к венгерской аналогии в связи с отсутствием указанной *expressis verbis* информации об отношении потомков Романа к религиозным вопросам в контексте заключения браков с Пястовнами. Отсутствие источников не позволяет нам однозначно ответить на вопрос: — принуждались ли иноверки к обращению в веру своих мужей? Это относится как к православным княжнам, выходящим за католиков, так и княжнам католического вероисповедания, выдаваемым за православных. Тем не менее мы располагаем, возможно, не совсем достоверными, но косвенными свидетельствами того, что католическую веру сохранила Констанция — венгерская жена Льва Даниловича²¹. К важнейшему из них

---

²¹ Известно из жития бл. Кинги, сестры Констанции, что жена Льва прославилась чудесами, совершенными во Львове: „Constantia tradita est Leoni duci Russie, que coruscet miraculis in civitate Lvovensi” (Vita et miracula sanctae Kungae ducissae cracoviensis 1884. P. 684). Между тем на легендарный характер сообщения об основании венгерской женой Льва доминиканского костела св. Иоанна Крестителя либо о передаче церкви для этой цели ее стараниями, указала Ольга Козубская

следует отнести факт пострижения в монахини дочери упомянутой княжеской четы, вероятно, в монастыре клариссинок в Скале. Так или иначе, принадлежность Святославы к монашеству общеизвестна. Эта русская княжна умерла, согласно нескольким малопольским ежегодникам, в 1302 г. в монастыре клариссинок в (Старом) Сонче (Dąbrowski 2002b. S. 226–230).

В свою очередь, не оставляет сомнений, хотя и не подтверждается напрямую, кроме одного косвенного и вновь относящегося к русско-венгерскому браку исключения, тот факт, что крещение детей смешанных пар осуществлялось по домашним обрядам, то есть обрядам двора мужа. Этим единственным исключением является упоминание о крещении Юрия Львовича. Этого Романовича согласно «Галицко-Волынской хронике» крестил православный монах династического происхождения — Войшелк, сын великого князя, а со временем литовского короля Миндовга (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 440.).

В целом, на наш взгляд, если в отношении женщин допускалась некая конфессиональная произвольность, то для мужчин обязательным было сохранение отеческого, то есть местного вероисповедания. Разумеется, это имело не только религиозную, но и прежде всего — социально-политическую подоплеку. В качестве доказательства можно привести пример Болеслава Тройденевича, занявшего галицко-волынский трон после смерти своих дядьев, последних Романовичей по мужской линии, Льва и Андрея Юрьевичей. Этот князь последовательно использовал в своих русских документах имя Юрий (Купчинський 2004. С. 169, 172, 178, 185, 190)²², что считается доказательством принятия им православия (Grabowski 2016. S. 65, 284).

Разумеется, также набор имен, которыми называли детей, красноречиво демонстрирует попытки сохранить (хотя и не без исключений) «местную», то есть отцовскую традицию, о чем, однако, пойдет речь дальше.

Перейдем к вопросу участия княжон в религиозной учредительской и покровительской деятельности в том государстве, в которое они попадали. Мы не находим таких сведений об интересующих нас Романовнах и Пястовнах. Однако мы располагаем

(Козубська 2007).

²² См. также неизвестный О. Купчинскому документ Болеслава–Юрия и его матери, по всей вероятности, 2-й половины 1323 г., опубликованный Я. Тенговским (Tęgowski 2009/2010. S. 325).

любопытными и красноречивыми аналогиями, относящимися к тому же периоду. Известно, что Агафья Святославовна, жена Конрада I Мазовецкого, упоминалась вместе с мужем и сыновьями, Болеславом и Семовитом, пожертвовавших деревню „Zlonoua” аббатству каноников в Червинске (*Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich* 1919. Т. I. № 209, 406). Княжна с сыном Семовитом (а также, возможно, и с другими родственниками) подарили плоцкому кафедральному собору чашу и патену, ставшие искупительным даром в связи с убийством каноника Яна Чапли (Jasiński 1997). Сохранилась, хотя и не полностью, риза, заказанная Агафьей и ее сыном Семовитом I, очевидно, по случаю состоявшегося в 1252 г. венчания Юдиты Конрадовны с вроцлавским князем Генрихом III (Walicki 1971. S. 295; Jasiński 1997. S. 288). Еще более интересным является тот факт, что княжна вместе с близкими была изображена на упомянутых предметах. Это один из тех немногочисленных сохранившихся (хотя и схематических) портретов Рюриковны сразу на двух артефактах.

Благотворительницей различных католических церковных организаций была также Гремислава — жена Лешека Белого²³.

В свою очередь, Переяслава, жена Семовита I Конрадовича, вместе с сыном Болеславом II подписала отдельные жалованные грамоты для ежовской препозитуры бенедиктинского монастыря в Любине (*Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Cz. II*. 1989. № 54, 56). Заслуги княжны как покровительницы католического монашества подчеркивались в одной из сохранившихся записей некрологического характера: „[под 11 XII] D[omina] Ducissa Masouiae Przeczesaława magna fratrum fautrix“ (Nekrolog dominikanów krakowskich 1877. S. 160).

С отсутствием исторических источников мы сталкиваемся и при исследовании погребений или мест захоронений интересующих нас князей и княжон. Однако тот факт, что входящие в династию женщины перенимали ее погребальные обычаи, подтвержденный немногочисленными сохранившимися свидетельствами, не должен удивлять. Таким образом, если идентифицировать Дубравку Конрадовну как «Елену, княжну Василькову», мы будем располагать неопровержимым доказательством захо-

---

²³ К примеру, княжна стояла за учреждением Болеславом Стидливым францисканского монастыря в Завихвосте (Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. VII–VIII. 1975. S. 120). Об учредительной деятельности Гремиславы см.: Teterycz-Puzio 2016. S. 79–94.

ронения Пястовны в одном из двух некрополей Романовичей, а именно в гробнице собора Богородицы во Владимире-Волынском (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 453). По весьма вероятному, хотя и не основанному на непосредственных сообщениях предположению Я. Грабовского, Мария Юриевна, жена Тройдена I, была похоронена в могиле мужа в аббатстве доминиканцев в Варке (Grabowski 2016. S. 437–438, 528). О месте погребения остальных трех представительниц династии Романовичей, выданных замуж за Пястов, а также представительниц династии Пястов, выданных за Романовичей, неизвестно ничего. То же самое относится к Переяславе. Однако красноречивой аналогией здесь может послужить тот общеизвестный факт, что тело Агафьи, жены Конрада I, было, по всей вероятности, захоронено в плоцком кафедральном соборе, а Гремислава, жена Лешека Белого, согласно возникшей позднее эпитафии, покоится во францисканском монастыре в Завихосте (Jasiński 2001. S. 28–29).

Ономастика

как проявление междинастических взаимоотношений

Вызывает к себе интерес и вопрос взаимного влияния в области антропонимии.

Естественно, в новообразующихся семьях интересующих нас династий детей гораздо чаще называли в соответствии с семейной традицией мужа. Однако случались и исключения из этого правила, которые рассмотрим ниже.

Итак, характерными для Рюриковичей именами называли своих детей Василько Романович и Дубравка Конрадовна (Ольга и Владимир). Обратим здесь внимание на то, что в науке появилось мнение о возникновении традиции обращения к антропонимии, характерной для родоначальников. Конкретнее, речь идет о привнесенном с пястовского двора особом интересе к родоначальникам династии, возникшем в кругу Казимира Справедливого после прочтения летописи Винцентия Кадлубека, и проявившемся, в частности, в подъеме популярности таких имен, как Семовит, Лестко, Мешек, Земомысл или Дубравка у потомков упомянутого правителя (Jasiński 1997. S. 285; Jasiński 2001. S. 88). Разумеется, в достоверности данной гипотезы можно усомниться, поскольку в западноволынской линии Мстиславичей именем Владимир назы-

вали детей и ранее²⁴, да и в целом в том поколении Рюриковичей оно использовалось нередко²⁵. Аналогично (хотя здесь сходств уже меньше) выглядит ситуация и с именем Ольга²⁶. Однако здесь бросается в глаза уже сама по себе красноречивая пара имен Ольга и Владимир, становясь аргументом в пользу упомянутой гипотезы.

Принципиально пястовскими были имена, которыми были названы дети Казимира II бытомского и Елены Львовны (Болеслав, Владислав, Семовит, Мешко). Явным отклонением стало появление в антропонимиконе этой супружеской четы имени Юрий. Это был первый у Пястов случай наречения таким именем и, скорее всего, нельзя считать совпадением, что тезкой по этому имени был брат бытомской княжны²⁷. Возможно, в честь русской родственницы свое имя получила также Мария, родившаяся в браке Казимира и Елены²⁸.

Детей, родившихся в браке Юрия Львовича с Евфемией Казимировной, назвали Марией, Андреем, Львом и Анастасией. Три из перечисленных имени следует отнести к ономастической тра-

---

²⁴ Его носил младший из сыновей Мстислава Изяславовича и Агнешки Болеславовны, то есть дядя со стороны отца Даниила и Романа, умерший в юном возрасте вскоре после отца (Домбровский 2015. С. 283–284).

²⁵ Обратим внимание на то, что Владимирами были хотя бы: игравшие важную роль в родовой памяти Романовичей Владимир Мономах (см. по данному вопросу: Dąbrowski 2018. S. 64–66); сын Мстислава Федора Владимировича; сын Рюрика Ростиславича; сын Ярослава Владимировича (Мачешича) и др.

²⁶ Обращая внимание на факт неполноты данных о русских князях, в том числе, зачастую, об их именах, отметим, что в антропонимиконе Рюриковичей в период до рождения дочери Василька и Дубравки имя Ольга использовалось (не считая матери Владимира Святого) не слишком часто. Его носили: одна из дочерей Юрия Владимировича Долгорукого и, возможно, дочь Вячка Ростиславича из полоцкой линии Рюриковичей (Baumgarten 1927. Tabl. VI, VIII).

²⁷ На факт первого появления в династии Пястов имени Юрий обратил внимание К. Ясиньский. Однако этот торуньский исследователь не высказался однозначно о его происхождении, констатировав лишь, что наречение этим именем могло иметь иные, негенеалогические причины, вытекающие, например, из определенного культа или политических влияний, либо было принято в честь крестного отца (Jasiński 2007. S. 518, 533).

²⁸ Обращаем внимание на то, что, кроме дочери Елены и Казимира, имя Мария носили следующие представительницы (по мужской и женской линиям) династии Романовичей: (возможно) вторая, византийская жена Романа Мстиславича; дочь Елены (?) Романовны и Михаила Всеволодича; дочь Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг; дочь Юрия Львовича; дочь Анастасии Юрьевны и тверского князя Александра Михайловича (Dąbrowski 2002b. S. 42). Занять определенную позицию в отношении использования этого имени сложно, прежде всего, в связи с его исключительным значением для христианства.

диции Романовичей (Мария, Лев, Анастасия). Любопытным *exemplum* является имя Андрей. Можно догадываться, что это заимствование у Арпадов, что было бы очередным доказательством возможности внешних влияний и отступления от принятых правил имянаречения детей²⁹.

Исключительно пястовское происхождение имели, несомненно, имена всех детей Семовита Казимировича добжинского и Анастасии Мстиславовны (Лешек (сомнительный потомок), Владислав и Болеслав).

Без особых сомнений можно констатировать, что аналогичное правило относится и к детям, родившимся в браке Тройдена³⁰ I Болеславовича и Марии Юрьевны (Евфемия, Болеслав, Семовит и Казимир).

Преобладание имен отцовской линии подтверждает также пример других польско-русских браков того периода. Итак, дети Конрада и Агафьи Святославовны носили имена Болеслав, Казимир, Семовит, Евдоксия, Людмила, Земомысл, Саломея, Юдита, Дубравка и Мешко; дети Лешека Белого и Гремиславы: Саломея и Болеслав, а дети Семовита I Конрадовича и Переяславы: Конрад, Болеслав и Саломея.

В заключение этого фрагмента остается обратиться к еще одному вопросу. Здесь мы имеем в виду возможное принятие представителями и представительницами интересующих нас династий имен в соответствии с традицией государств, в которые они попадали. Обратим для начала внимание на тот факт, что если (а это становится все более вероятным) Дубравка Конрадовна была «княжной Васильковной Еленой», о смерти которой упоминалось выше, мы столкнемся с примером наречения на Руси католической княжны новым именем, хотя нельзя исключить и той возможности, что эта дочь Конрада I и русской княжны Агафьи имела двойное имя. Таким образом, мы бы имели дело с интересным доказательством взаимного влияния друг на друга антропонимических традиций Рюриковичей и Пястов.

---

²⁹ Разумеется, нельзя исключить и того, что данное имя носило чисто культовый характер.

³⁰ Имя этого представителя династии является очередным ярким примером появления отступлений от правила сохранения имен отцовского рода, поскольку является литовским заимствованием. Сын Болеслава II Конрадовича и Софьи Гаудемунды был назван в честь литовского дедушки, который, кроме всего прочего, был язычником.

В какой-то мере аналогичной проблемой является и *casus* Болеслава Юрия Тройденовича. Возможно, и этот представитель династии с детства, под влиянием привнесенной матерью с Руси традиции, носил двойное имя? Само собой разумеется, что преемнику последних Романовичей на галицко-волыньском престоле пришлось принять православие для того, чтобы воцариться на нем³¹. Однако это не может исключить возможности наличия с детских лет имени деда по материнской линии, ставшим основным после прибытия на Русь — по политическим, культурным и общественным соображениям.

Жизнь дочерей Романовичей на дворах Пястов и пястовских дочерей на дворах Романовичей

Сравнение дворов Романовичей и Пястов, даже только как определенных социумов, выходит за рамки нашего исследования. Таким образом, обратимся только к их отдельным представителям, а именно — рассмотрим функционирование дочерей Романовичей, живущих при пястовских дворах и — аналогично — дочерей Пястов, выданных за Романовичей. Сведения о них крайне скудны. Следовательно придется ограничиться лишь несколькими наблюдениями.

По сути, можно с уверенностью сказать, что выданные замуж русские княжны имели в Польше собственные дворы. Об этом свидетельствует документ бытомского князя Казимира, составленный в Бытоме 12.06.1304 г. В числе свидетелей указывается „Thomca Venovicz subkamerarius domine” (Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. I. 1962. S. 23), т. е. Елены Львовны. Это единственное известное нам свидетельство о функционировании двора княжны из рода Романовичей при жизни мужа, к тому же содержащий обрывки информации о его структуре и информацию о конкретном подданном княжны. Нам неизвестны аналогичные свидетельства о других дочерях Романовичей, выданных за Пястов и о дочерях Пястов, выданных за Романовичей; сравнительного материала также недостаточно. При этом стоит упомянуть, что в 1247 г. Болеслав I Конрадович пожаловал деревню Зуково: „L[asotae] pincernae curiae matris suae” (Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich. T. I. № 473)³². Любопытно, что этот сановник указывался как

³¹ Данная проблема, несмотря на всю ее занимательность, выходит за рамки наших размышлений.

³² Документ только с годовой датой.

„*pincerna*”, но уже Конрада I, а не его жены, в корраборации двух жалований князя, соответственно от 12.05.1243 и от 12.10.1246 г. (*Ibidem*. № 437, 469)³³. Можно ли говорить о переходе после смерти мужа к Агафье хотя бы части его двора? Это не исключено. Документ 1247 г. не датирован конкретным числом, а как известно, Конрад скончался 31 августа того же года. Таким образом, возникает вопрос: имела ли Святославовна до этого собственный двор? Ответить на него достоверно мы не в состоянии. Тем не менее, сопоставляя информацию о Ласоте и Томеке Беновиче, мы можем выдвинуть предположение, что структура двора княжон формировалась по образу и подобию княжеского. Кроме того, относительно первого из перечисленных сановников с уверенностью, а относительно второго гипотетически, можно предположить их местное, польское происхождение. Означает ли это, однако, что в окружении дочерей Романовичей, выданных за поляков, не было русинов, а дочерей Пястов, выданных за русинов, не было поляков? На основании столь скудных сведений высказываться с большей или меньшей достоверностью невозможно, хотя логично было бы предположить, что родители отправляли девушек на чужие дворы по меньшей мере с дворецким.

Вопрос окружения княжон-регенток носит несколько иной характер, чем представленная выше исследовательская проблема, и также не входит в круг наших научных интересов.

Печати женщин рассматриваемых родов не сохранились, хотя в пользу того, что они могли их иметь, говорят аналогии. Известно о наличии печатей у других русских княжон, а именно — у Гремиславы, Переяславы и у других жен Пястов³⁴. Напротив, не обнаружено и не идентифицировано печатей дочерей Пястов, ставших женами Романовичей.

Здесь стоит привести еще одно наблюдение, которое может стать своего рода отступлением от темы подраздела. Согласно достоверному свидетельству Винцентия Кадлубека, Роман Мстиславич воспитывался при дворе своего дяди, Казимира Справедливого „*a cupabulis*” (с колыбели)³⁵. Можно предположить, что, хотя это проживание и не было постоянным, оно позволило юному

---

³³ На все эти три документа обратила внимание в контексте сведений об окружении русских княжон, пребывающих в Польше, А. Шимчак (*Szymczak* 1978. S. 36).

³⁴ Общие сведения о печатях польских княжон, в основном XIII в., приводит Я. Пакульский (*Pakulski* 2000. S. 247–262).

³⁵ См. следующее прим.

русскому князю впитать культуру двора пястовского родственника. По сути, это единственный для Романовичей и Пястов пример явления, которое можно рассматривать как случай передачи ребенка на воспитание родственникам. Добавим, что такая практика находит подтверждение в судьбах Даниила Романовича, который, хотя и при совершенно иных обстоятельствах, получал образование в окружении своего дальнего венгерского родственника, Андраша II.

Таким образом, мы попадаем в неудобную для исследователя ситуацию — когда невозможно выйти за рамки представленного выше отрывочного замечания, причиной чему является крайняя скудность исторических источников.

Личные контакты между представителями династии Романовичи и Пясты встречались в двух основных обстоятельствах, а именно во время мира и войны. Таких встреч было достаточно много. Представим их список без разделения на вышеупомянутые категории, поскольку иногда трудно отделить вопросы войны от мира. Правило: *si vis pacem para bellum* действует и сегодня.

За основу мы возьмем хронологический критерий, при случае указывая характер встречи. Отступлением от этого правила являются встречи военного характера, в которых Романовичи и Пясты лично воевали друг против друга. Подчеркиваем, что игнорируем те столкновения, в которых князья не вступали в прямой контакт. Нам также известно, что этот список без сомнения не является полным, потому что источники, конечно, не зафиксировали все встречи представителей обеих династий. Тем не менее мы все равно получим картину, показывающую масштаб их личных отношений, потому что — мы подчеркиваем — только такие нас интересуют.

Вот список известных источникам встреч Романовичей с Пястами:

- 1) пребывание / пребывания при дворе Казимира Справедливого несовершеннолетнего Романа Мстиславича. Можно предположить, что эти визиты были длительными и связаны были с образованием князя (между 1156 и концом 1167 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179)³⁶;

---

³⁶ Роман 14 апреля 1168 г. был поставлен на престол в Великом Новгороде. С этого момента он начал играть определенную политическую роль на Руси, поэтому не мог долго оставаться при дворах пястовских родственников (Dąbrowski 2002. S. 25; Домбровский 2015. С. 261–262).

- 2) Роман Мстиславич едет в Польшу за помощью против своего брата Всеволода, который не хотел отдавать ему Владимир, добровольно преданный ему Романом в момент его временного перехода на престол в Галич. Мстиславич, вероятно, встречался с Казимиром, но не получил помощи (1189 г.) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661);
- 3) Роман снова едет в Польшу, определенно к Казимиру Справедливому, и, вероятно, с полученным подкреплением он снова безуспешно пытается овладеть Владимиром (через несколько месяцев после предыдущего действия; 1189 г.?) (Там же. Стб. 662);
- 4) Роман с подкреплением своего дяди Мешко III Старого в третий раз, безуспешно пытается вернуть Владимир из рук Всеволода (1190 г.?) (Там же. Стб. 662);
- 5) Роман и Всеволод отправляются в Краков и поддерживают Казимира Справедливого, изгнанного оттуда на короткое время в результате восстания части możnych. Благодаря русской поддержке Казимиру удастся изгнать из столицы Болеслава, сына Мешко III Старого, который был приглашен мятежниками (1191 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 160–162)³⁷;
- 6) Лешек Белый идет на Галич, чтобы помочь Роману захватить его (1198 или 1199 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 183–186)³⁸;
- 7) Бегство вдовы по Романе и ее детей на двор Лешека Белого (зима 1206/1207, до 28 февраля 1207 г.). Неизвестно, когда Даниила отправили в Венгрию. Княжна и Василько некоторое время оставались у Лешека (возможно, до 1208 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 13–15)³⁹;
- 8) Даниил и его мать уезжают вскоре после 29 сентября 1213 г. из Венгрии к Лешеку Белому и оттуда отправляются в Каменец на Случи (продолжительность пребывания неизвестна) (*Ibidem*. S. 47–48.);
- 9) Лешек Белый организует неудачную экспедицию в Галич, в которой участвует Даниил (1214 г.) (*Ibidem*. S. 49–51);
- 10) Даниил пребывает у Лешека Белого. Причина этого визита не может быть определена (до осени 1214 г.) (*Ibidem*. S. 52);

---

³⁷ По поводу датировки см. напр.: Włodarski. 1969. S. 17; Przybył 2002. S. 110–111; Dobosz, 2011. S. 111–112).

³⁸ По поводу датировки см. подробнее: Nagimyj 2011. S. 83–92.

³⁹ По поводу датировки см.: Dąbrowski 2012. S. 48–50, 66.

- 11) Конрад I Мазовецкий прибывает к Романовичам в Щекарев во время экспедиции и предупреждает обоих князей не встречаться с Лешеком Белым (1221 г.) (Ibidem. S. 77–78);
- 12) Даниил едет к Лешеку и просит его о помощи против своего тестя Мстислава Удалого. Силы польского принцепса и Романовичи нападают на Белз (1225 г.) (Ibidem. S. 103–104);
- 13) один из Романовичей, вероятно Василько, участвует в съезде в Скаришеве, организованном вдовой Лешека Белого, Гремиславой (12 мая 1228 г.) (Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. II. № CCCXCV);
- 14) Даниил отправляется в Польшу к Гремиславе (хотя, возможно, и к Конраду I Мазовецкому) с просьбой направить подкрепление против коалиции русских князей (вторая половина 1228 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 128);
- 15) Даниил и Василько участвуют в походе Конрада I на Калиш, принадлежащий Владиславу Ласконогому (1229 г.) (Ibidem. 131–141);
- 16) Василько отправляется к Болеславу I Конрадовичу, чтобы договориться об освобождении князей болоховских, которые вторглись в Мазовию и были взяты в плен (между 1236 и 1240/1241 гг.) (Ibidem. S. 252–253);
- 17) Даниил вместе со своим братом Васильком, женой и детьми бегут во время нашествия монголов к Болеславу I Конрадовичу, который предлагает им временное пребывание в Вышеграде над Вислой (кон. 1240/начало 1241 г.) (Ibidem. S. 236–237);
- 18) Василько встречается в Ленчице с Конрадом I Мазовецким, одним из его сыновей (Казимиром или Семовитом), краковской княжной Гремиславой и папским легатом Джиованни де Пано Карпини. Возможно, он сообщает собравшимся об отъезде Даниила в Орду и ведет переговоры о своей свадьбе с дочерью Конрада (конец 1245 г. или первые дни следующего года) (Giovanni di Pian di Carpine 1989. P. 103; Dąbrowski 2012. S. 265);
- 19) встреча Даниила и Василька с Семовитом I Конрадовичем в Дрогичине. Совместная экспедиция князей против Ятвягов (лето или осень 1248 г., возможно, первые три месяца 1249 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 300–310; Dąbrowski 2012. S. 295);
- 20) встреча Даниила с Болеславом Стыдливым и его женой Кингой в Кракове для определения условий похода в Моравию.

Это произошло непосредственно перед самой военной операцией (июнь 1253 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 334–335);

21) поход Даниила, Льва Даниловича, Болеслава Стыдливого и их союзников на Опаву. В Козле на Одере Романовичи и правитель Кракова встретились со князем опольским Владиславом Казимировичем. Все вместе отправились дальше (июнь — июль 1253 г.) (*Ibidem*. S. 335–347);

22) съезд правителей по случаю королевской коронации Даниила в Дрогичине. Скорее всего, присутствовали на нем Василько Романович, Лев Данилович и Семовит I Конрадович, вероятно, мать Даниила и Болеслав Стыдливый. Участия других Романовичей нельзя исключать (конец декабря 1253 г.) (*Ibidem*. S. 350–352);

23) поход на Ятвягов Даниила, Льва Даниловича и Семовита I Конрадовича (очередь 1253/1254 г.) (*Ibidem*. S. 352–355);

24) Даниил вместе со своими двумя сыновьями (Львом и Шварном), а также Болеславом Стыдливым и Лешекком Черным сражаются вместе с королем Венгрии Белой IV против чешского короля Пржемысла II Отокара в битве при Кройсенбрунне (Гройсенбрунн = Kroissenbrunn (Groissenbrunn)) (12 июля 1260 г.) (*Letopisy české od roku 1196 do roku 1278*. S. 311–318; Мика 2008. S. 58–63; Dąbrowski 2012. S. 422–425);

25) съезд в Тарнаве Даниила и Василька Романовичей, Льва и Шварна Даниловичей, а также Владимира Васильковича с Болеславом Стыдливым. Стороны заключили соглашение между собой: «о землю роус[ьс]кою и лад[ь]скоую» (лето 1262 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 436–437);

26) Лев и Мстислав (II) Даниловичи лично, вместе с Конрадом II Семовитовичем, поддерживают Болеслава Стыдливого в его конфликте со князем вроцлавским Генрихом IV (весна 1271 г.) (*Ibidem*. S. 471–472);

27) во время ухода перед монголами в Пенинском замке встречаются Констанция, жена Льва Даниловича и ее сестра, вдова Болеслава Стыдливого, Кинга (1287/1288 г.) (*Vita beatae Kunegundis* 1887. P. 269);

28) Конрад II Семовитович приезжает в Любомль, чтобы навестить тяжело больного Владимира Васильковича, и попросить его о посредничестве в установлении тесных отношений с Мстиславом (II) Даниловичем (лето — осень 1288 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 570–571);

- 29) Конрад II встречается в с. Гай около Луцка с Мстиславом II, который берет его под покровительство (лето — осень 1288 г.) (Ibidem. S. 572–573);
- 30) услышав о смерти Лешека Черного, Конрад II снова приезжает к Владимиру Васильковичу, но больной князь не разрешает ему встретиться с ним. От имени своего мужа княгиня Ольга Романовна беседует с мазовецким Пястом, заверяя его, что он получит вооруженную помощь в походе на Люблин (вскоре после 30 сентября 1288 г.) (Ibidem. S. 576);
- 31) Конрад II прибывает к Мстиславу (II) Даниловичу во Владимир, возможно, что на церемонии принятия им престола (10 апреля 1289 г.) (Ibidem. S. 619);
- 32) Конрад II, вероятно, снова приезжает к Мстиславу (II), прося у него помощи в завоевании княжества сандомирского (весна (после 10 апреля) 1289 г.)⁴⁰
- 33) Лев Данилович отправляется в Малую Польшу, чтобы помочь осаждающим Краков Болеславу и Конраду Семовитовичом и Владиславу Локетку, поддерживая их. Одним из эпизодов кампании было нападение русских войск на земли Генриха IV, которое произошло 30 июля 1289 года. Вероятно, войска Льва находились в Малой Польше в июле и августе (Ibidem. S. 624–626; 636–638);
- 34) Лев едет на съезд монархов в Опаву, в котором, кроме короля чешского Вацлава II принимают участие Владислав Локетек, Казимир II бытомский и Мешко тешинский и, возможно, Болеслав Болеславович свидницкий (Ibidem. S. 638)⁴¹;
- 35) изгнанный из Польши Вацлавом II Владислав Локетек, скорее всего, бежит в Русью к Юрию Львовичу. Он остается там в течение некоторого времени (возможно с 1300 до 1303 г.). По его просьбе русины нападают на Малую Польшу в 1300 и 1302 гг. (Rocznik Traski 1872. S. 853; Włodarski 1966. S. 228–232).

⁴⁰ Не исключено, что русский хронист, сдублировал информацию о прибытии Конрада.

⁴¹ См. также: Formulář biskupa Tobiáše z Vechyně 1903. № 192 (общее замечание о встрече Вацлава II с польскими и другими князьями). Более подробную информацию об участниках сохранил только еще один фрагмент документа епископа Тобиаса (Hlaváček 1958. z. 3. № 17). На присутствие Болыка указывает тот факт, что он пребывал в компании Вацлава в Оломоуце через несколько дней после заключения договора в Опаве (Schlesisches Urkundenbuch. T. V. 1993. № 426). Пребывание этого Пяста в Опаве признал Б. Влодарский. (Włodarski 1931. S. 112). В свою очередь, участие Владислава Локетка в съезде убедительно продемонстрировал Я. Тенговский (Tęgowski J. 1987. S. 53–55).

Прямые столкновения между Романовичами и Пястами

- 1) Возможно, Роман Мстиславич, поддерживаемый на местах Всеволодом Мстиславичем, защищает Брест от своего старшего брата Святослава, которому дает подкрепление Казимир Справедливый (1182 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 156–157)⁴²;
- 2) Роман и Всеволод помогают Казимиру Справедливому забрать Краков у мятежников. В руки победителей попадает Болеслав, сын Мешко III (1191 г.)⁴³;
- 3) Роман, помогающий вдове Казимира Справедливого, Елене и ее детям, Лешек Белому и Конраду, сражается на реке Мозгаве против Мешко III Старого и его сына Болеслава. Возможно, хотя источники молчат, что он встречает Елену и ее детей на пути к полю битвы (1195 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179–180);
- 4) Лешек берет Белз, в котором останавливался Василько Романович, и передает город Александру Всеволодичу (1213 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 45);
- 5) Лешек Белый идет на Даниила и Василька на Щекарев, то есть современный Красныстав (вероятно, 1221 г.) (*Ibidem*. S. 77);
- 6) во время битвы при Кройссенбрунне (Groissenbrunn) Даниил и двое его сыновей сражаются против сторонников Пржемысла II Отокара, князя вроцлавского Генриха III Белого и князя опольского Владислава Казимировича (12 июля 1260 г.) (*Letopisy české od roku 1196 do roku 1278*. S. 311–318 ; *Mika* 2008. S. 58–63; *Dąbrowski* 2012. S. 422–425);
- 7) возле Люблина ветвь осажденного замка Конрада II встречает армию во главе с Юрьем Львовичем, также стремясь захватить его. Там нет боя (вскоре после 30 сентября 1288 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 576–580).

Как видно, основным источником для представления личных отношений Романовичей с Пястами является «Галицко-Волынская хроника». Когда ее повествование заканчивается, мы практически теряем способность отслеживать эту проблему. Другие источники лишь незначительно дополняют картину. Только хроника Магистра Винцентия играет здесь немного большую роль. В любом

---

⁴² По поводу датировки см. *Rocznik kapituły krakowskiej* 1978. S. 64; *Rocznik Traski* 1872. S. 834; *Włodarski* 1969. S. 14.

⁴³ См. прим. 37.

случае, как видно, сообщения о личных встречах представителей обеих династий исчезают в первые годы XIV века, что не обязательно означает, что их не было позже. Политические отношения между сторонами в конце концов продолжались.

Не должно вызывать удивления то, что, конечно же, как видно из приведенного выше списка, политика была главной причиной встреч. Просто большая часть жизни княжеских семей была политической. Может при случае возникнуть вопрос: не повлияла ли природа источников на нарушение пропорции такого вида информации (33 + 7 к 1 и 1 встрече по неизвестной причине)? Несомненно, авторы историографических произведений были в основном заинтересованы в описании событий политического характера.

Список показывает отсутствие какой-либо информации о встречах родственников (конечно, имеем в виде Пястов и Романовичей) по случаю свадеб, крещений или похорон, даже тех, которые описаны. Первые две категории церемоний остаются загадкой, потому что о них практически никакой информации не сохранилось. Конечно, что касается свадеб, то нет сомнений, что жених и невеста встречались, но их родители уже не обязательно. К счастью, сохранились отдельные сведения о похоронах. Прежде всего, мы имеем в виду подробно изложенное, скорее всего, очевидцем, описание церемонии помещения в могилу тела Владимира Васильковича. Но надо подчеркнуть, что никто из Пястов в ней не участвовал. Особенно хорошо видно отсутствие интереса к участию в похоронах родственников на примере Конрада II Семовитовича. Князь дважды посетил умирающего Владимира Васильковича, с которым был так тесно связан, потому что у него был политический интерес. Тем не менее он на похороны своего родственника не приехал.

Для разнообразия добавим, что — скорее всего — ни один из Романовичей, не появился ни на похоронах прославленного в «Галлицко-Волынской хронике» Конрада I, ни Болеслава Стыдливого, ни Лешека Черного.

Несмотря на довольно большое количество конфликтов, Романовичи и Пясты сталкивались относительно редко лицом к лицу. Более частыми поводами для встреч были, с одной стороны, совместные военные операции, а с другой — дипломатические обстоятельства, хотя разные переговоры чаще проводились с помощью послов, а не встреч правителей.

Из-за нехватки источников картина личных отношений Романовичей с Пястами неполная, хотя имеющийся в нашем распо-

ржаении материал указывает на их относительно высокую частоту. На это, несомненно, повлиял факт соседства. В конце концов, между Романовичами и малопольскими и мазовецкими Пястами, владения которых граничили с Галицко-Волынской Русью, явно существовали более тесные связи, чем между Романовичами и силезскими или великопольскими Пястами. Другими факторами, влияющими на характер отношений, были близкие родственные и свойственные связи сторон, а также политические условия, часто провоцирующие поиск альянсов или, наоборот, вызывающие конфликты.

В любом случае важность взаимоотношений для обеих сторон отчетливо видна. Например, для Романа Мстиславича Казимир Справедливый и его сыновья были не только близкими родственниками, но и очень важными политическими и культурными партнерами. Для Даниила и Василька Романовичей, кроме королей Венгрии, Андраша II и Белы IV, наиболее важными партнерами являлись Лешек Белый, Конрад I Мазовецкий, Болеслав Стыдливый и Семовит I Конрадович. В свою очередь, для Владимира Васильковича, Конрад II Семовитович. Нам остается выразить надежду, что представлен текст поможет лучше понять социальный аспект междинастических отношений. Содержащаяся в нем информация может быть использована для сравнительных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Баумгартен Н. А.* Вторая ветвь князей галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* Год V. 1909. Вып. 1 (17). С. 3–45.
- Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001.
- Горovenко А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011.
- Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимского и О. Остапчук. (Studiorum Slavicorum Orbis. Вып. 10). СПб, 2015.
- Ипатьевская летопись М., 2001.* (ПСРЛ. Т. 2).
- Козубська О.* Львівська легенда княгині Констанції // Княжа доба. Історія і культура. Вип. 1, 2007. С. 100–105.
- Кралуко П. М.* Роман Мстиславович, князь Волинський і Галицький. Історико-біографічний нарис. Луцьк, 1999.

- Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження, тексти. Львів, 2004.
- Майоров А. В.* Галицько-волинський князь Роман Мстиславич, володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. II: Політична культура на спадщина, родина, династія.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 2013. Т. X.
- Balzer O.* Genealogia Piastów / Wstęp do drugiego wydania J. Tęgowski. Kraków, 2005.
- Baumgarten N de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle // *Orientalia Christiana*. 1927. Vol. IX–1. № 35.
- Charvátová K.* Václav II. Král český a polský. Praha, 2007.
- Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* Bratislavae, 1987. Vol. II: Inde ab A. MCCXXXV usque ad A. MCCLX / Ed. R. Marsina.
- Dąbrowski D.* Polityka koligacyjna Daniela i Wasylka Romanowiczów. Prolegomena // *A se ego srebro. Zбірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя.* Київ, 2002. S.139–156. (a).
- Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. (6).
- Dąbrowski D.* Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego. Karta z dziejów Rusi halicko — wołyńskiej i stosunków polsko — ruskich w początkach XIII wieku // *Roczniki Historyczne*. R. LXXII. 2006. S. 67–93.
- Dąbrowski D.* Bilans zysków i strat Rusi Halicko–Wołyńskiej w stosunkach z Czechami i Węgrami w XIII wieku // *Zwycięzcy i przegrani w dziejach średniowiecznych i wczesnonowożytnych Czech i Polski* / Pod red W. Iwańczaka i D. Karczewskiego. Kraków, 2012. S. 295–338.
- Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 — 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.
- Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.
- Dąbrowski D.* Budowanie obrazu rodziny książęcej jako wspólnoty na przykładzie przekazów Kroniki halicko-wołyńskiej (Kroniki Romanowiczów) // *Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek* / Red. D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW. T. 5). S. 59–74. Kraków, 2018.
- Dobosz J.* Kazimierz II Sprawiedliwy. Poznań, 2011.
- Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953).* (Analecta OSBM. Series II. Sectio III) Romae, 1953. T. I: 1075–1700 / Ed. A.G. Welykyj. Romae, 1953.
- Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli / Ed. E. Manestò, M.C. Lungarotti, P. Daffinà, L. Petech, C. Leonardi. Spoleto, 1989.
- Formulář biskupa Tobiáše z Bechyně (1279—1296)* / Ed. J.B. Novák. Praha, 1903.

- Grabowski J.* Dynastia Piastów mazowieckich. Kraków, 2016.
- Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Varsaviae, 1975. Lib. VII–VIII.
- Hlaváček I.* Nový zlomek formuláře Tobiáše z Bechyně // Československý Časopis Historický. 1958. R. VI. S. 545–561.
- Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, 1992.
- Jasiński K.* Genealogia Piastów wielkopolskich. Potomstwo Władysława odonice // Kronika miasta Poznania. 2. 1995: Nasi Piastowie. S. 34–66.
- Jasiński K.* Polityka małżeńska Władysława Łokietka. Genealogia. Rola związków rodzinnych i rodowych w życiu publicznym w Polsce średniowiecznej na tle porównawczym / Pod red. A. Radziwińskiego i J. Wroniszewskiego. Toruń, 1996.
- Jasiński K.* Kielich płocki z pateną — dar księcia mazowieckiego Konrada I // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 283–297.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów mazowieckich. Poznań; Wrocław, 1998.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich / Ed. M. Górny. (Bibliotheca Genealogica / pod red. M. Górnego. T. 3). Poznań; Wrocław, 2001.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. Wstęp do II wyd. T. Jurek. Kraków, 2007. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Kraków, 1886. T. II: 1153–1333 / Wyd. F. Piekosiński.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski i A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł // Monumenta Poloniae historica. Series nova. Kraków; Warszawa, 2017. T. XVI.
- Letopisy české od roku 1196 do roku 1278 // Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1874. T. II / Ed. J. Emler.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Riga, 1873. Bd. VI / Hrsg. F.G. von Bunge.
- Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum / Wyd. M. Plezia // Monumenta Poloniae historica. Series nova. Kraków, 1994. T. XI.
- Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach. Racibórz, 2008.
- Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) — 1264. Kraków, 2011.
- Nekrolog dominikanów krakowskich (Nekrografia seu Obitus Fratrum [...]) // *Zeissberg H. von.* Kleinere Geschichtsquellen Polens im Mittelalter. Wien, 1877. S. 136–167.
- Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Wrocław, 1989. Cz. II: Dokumenty z lat 1248–1355 / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś, przy współudziale K. Pacuskiego i H. Wajsa.
- Pakulski J.* Zaginiona pieczęć księżnej mazowieckiej Perejasławy z 1276 r. a trzynastowieczne sigilla książnych Polski dzielnicowej // Nihil superfluum esse. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor J. Krzyżaniakowej / Pod red. J. Strzelczyka i J. Dobosza. Poznań, 2000. C. 247–262.

- Przybył M.* Mieszko III Stary. Poznań, 2002.
- Rocznik kapituły krakowskiej // Monumenta Poloniae historica. Series nova / Wyd. Z. Kozłowska-Budkowa. Warszawa, 1978. T. V. S. 19–106.
- Rocznik Traski // Monumenta Poloniae Historica. Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1872. T. II.
- Schlesisches Urkundenbuch / Hrsg. von. W. Irgang. Köln; Wien, 1993. T. V: 1282 — 1290.
- Szymczak A.* Książniczki ruskie w Polsce XIII wieku // Acta Universitatis Lodziensis. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria I. 1978. Z. 29. S. 25–42.
- Tęgowski J.* Zabiegi księcia kujawskiego Władysława Łokietka o tron krakowski w latach 1288 — 1293 // Zapiski Kujawsko-Dobrzyńskie. T. 6: Historia. 1987. S. 43–67.
- Tęgowski J.* Kontakty rodzinne dynastów polskich i ruskich w średniowieczu // Między sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie pod red. T. Chynczewskiej-Hennel i N. Jakowenko. Lublin, 2000. S. 7–36.
- Tęgowski J.* Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński Piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowica (nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku) // Studia Podlaskie. 2009/2010. T. XVIII. S. 313–328.
- Teterycz-Puzio A.* Piastowskie księżne regentki. O utrzymanie władzy dla synów (koniec XII w. — początek XIV wieku). Kraków, 2016.
- Vita et miracula sanctae Kyngae ducissae cracoviensis / Wyd. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1884. T. IV.
- Vetera monumenta historica Hungariorum sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. I. Ab Honorio PP. III usque Clementem PP. VI. 1216–1352.
- Vita beatae Kunegundis // Joannis Długossii Opera omnia. Cracoviae, 1887. T. I. / Ed. A. Przedziecki.
- Walicki M.* Wyposażenie artystyczne dworu i kościoła // Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII w. / Pod red. M. Walickiego. Warszawa, 1971. S. 247–303.
- Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy-Becskeken, 1892.
- Włodarski B.* Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV wieku (1250–1309). (Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dz. 2. Z. 3). Lwów, 1931. T. 7.
- Włodarski B.* Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966.
- Włodarski B.* Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // Kwartalnik Historyczny. 1969. R. 76. № 1. S. 5–18. R. 76.
- Zabłocki W.* Grzymisława Ingwarówna, księżna krakowsko-sandomierska. Kraków, 2012.
- Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. I: Dokumenty z lat 1257 — 1420 / Wyd. S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich / Zebrał, opracował i wydał, oraz wykazami opatrzył J. Korwin Kochanowski. Warszawa 1919. T. I.
- Żmudzi P.* Studium podzielonego Królestwa. Książę Leszek Czarny. Warszawa, 2000.

SOCIAL ASPECTS OF THE MEDIEVAL POLISH-RUSSIAN RELATIONS
(BASED ON THE EXAMPLE OF MARRIAGES BETWEEN THE
ROMANOVICHI AND THE PIAST DINASTIES)

The article discusses the problems of social relations between representatives of the Piast dynasty and Romanovichi. The author focuses on the following issues: marriages between Romanovichi and the Piasts, as well as matrimonial unions that created political background of this marriages; awareness of the existence of kinship and affinity between members of both dynasties; marriages between Romanovichi and the Piasts in the light of confessional problems; name-giving habits as a manifestation of inter-dynastic ties; life of women from the Romanovichi family at the Piasts courts and women from the Piast family at the courts of Romanovichi; personal contacts between representatives of these dynasties.

Undoubtedly, due to the lack of sources, the picture of Romanovichi's personal relations with the Piasts is incomplete, although the material available to the author shows their relatively high frequency and importance for both sides. This was undoubtedly influenced by the fact of the neighborhood, but also by other factors discussed in the text.

Keywords: the Piasts, Romanovichi, social relations, marriages, kinship, affinity, confessional problems, naming habits

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-297-331